

А. В. Доронин

БЫЛА ЛИ ТАК НАЗЫВАЕМАЯ ДРЕВНЯЯ РУСЬ ДРЕВНЕЙ?
К ВОПРОСУ О ТЕРМИНАХ, НО НЕ ТОЛЬКО:
ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

Резюме

В разных историографиях Восточной Европы закрепились разные оценки и интерпретации применительно к Руси IX–XIII вв. и разные названия этого периода. Российские коллеги предпочитают оперировать в отношении него конвенцией «Древняя Русь». Но насколько она корректна в научном плане и согласуется ли с общеевропейской и мировой периодизацией истории? Почему она неприемлема для других историографий, которые также считают Русь IX–XIII вв. частью своей истории? Вообще, была ли так называемая Древняя Русь древней? Можно ли считать так называемую Древнюю Русь началом руси? Сколько у руси древностей? Пытаясь тезисно дать ответы на эти вопросы, автор приглашает коллег к дискуссии на заданную тему.

Ключевые слова: Древняя Русь, древняя русь, рус(с)кость, начало, Древность, Средневековье, Новое время, периодизация истории, исторические парадигмы, российская историография, государство, нация

Andrej V. Doronin

WAS SO-CALLED ANCIENT RUS' REALLY ANCIENT?
THE QUESTION OF TERMS, BUT NOT ONLY:
AN INVITATION FOR A DISCUSSION

Abstract

Different historiographies of Eastern Europe have produced varying assessments and interpretations of Rus' of the 9th–13th centuries. Moreover, scholars have referred to Rus' during this period by varying names. Russian scholars prefer to use the term 'Ancient Rus', but its historical accuracy is incorrect. If the term is consistent with the European and global periodization of history? Why is it unacceptable for other historiographies of Eastern Europe,

© А. В. Доронин, 2024

which also consider Rus' of the 9th–13th centuries as part of its history? Was so-called Ancient Rus' truly ancient? Can one consider the so-called Ancient Rus' the beginning of Rus'? How many antiquities different Rus' possess? By attempting to give detailed answers to these questions, the author invites colleagues to a discussion of this topic.

Keywords: Ancient Rus', different Rus', rus'ness, Antiquity, Middle Ages, Modern times, periodization of history, historical paradigms, Russian historiography, state, nation

DOI 10.31860/2712-7591-2024-1-108-133

В 2015–2022 гг. мне, специализировавшемуся ранее на заальпийской ренессансной культуре и (ранне)модерном нациогенезе в Европе, захотелось найти ответ на вопрос, когда же в этой части континента зарождаются современные нации. Я предложил коллегам с Украины, из Беларуси, России, Литвы, Польши, Германии искать его вместе в рамках проекта «Восточные славяне в поисках новых надрегиональных идентичностей в конце XV — середине XVIII в. в контексте зарождения современных наций в Европе»¹. Уже в начале совместной работы нам нужно было договориться о единых теоретических установках, ключевых терминах и конвенциях. И «Древняя Русь» стала для нас в этом смысле одним из камней преткновения.

В разных историографиях Восточной Европы закрепились разные названия, оценки и интерпретации в отношении Руси IX–XIII вв. Некоторые коллеги воспринимают так называемую Древнюю Русь и Киевскую Русь как синонимы. Кто-то полагает, что Русь продолжилась после распада Киевской Руси вплоть до конца XVII в., в подтверждение чего указывает на преемственность династии / власти, Церкви и богослужебной практики, летописной традиции и книжности и др. Кто-то релятивизирует роль Киева как политического центра Руси в IX–XIII вв. и подчеркивает заметные уже тогда, а впоследствии лишь нараставшие центробежные тенденции и регионализацию Руси, соответственно девальвирует представление о ней как едином политическом организме еще до ее распада, предпочитая называть ее домонгольской, с монгольским же нашествием и закончившейся. Но северо-западные земли руси нашествия кочевников в XIII–XIV вв. и далее не знали, так что упоминание об этих землях в привязке к монгольским набегам белорусские (так! — А. Д.) коллеги расценивают как иррелевантное. Были и другие резоны. Меня же, «западника», смущает всякое использование определения «древний» в связи с Русью IX–XIII вв., на общеевропейской шкале принадлежащей Средневековью. Например, конструкция «средневековая

¹ В декабре 2022 г. вышла в свет наша итоговая коллективная монография «Когда зарождаются нации на востоке Европы?» [Когда зарождаются нации], шестая изданная в рамках проекта книга.

Древняя Русь XVI—XVII вв.» мне всегда казалась оксюмороном. Меж тем издатели авторитетного журнала «Древняя Русь. Вопросы медиевистики» серьезной исследовательской проблемы в подобном маркере не видят.

На этот счет я и хочу задаться вопросами и коротко поделиться своими соображениями (вполне банальными, на мой взгляд) в тезисах, которые рассматриваю как приглашение к дискуссии.

В какой системе исторических координат Русь Рюриковичей IX—XIII вв. древняя?

Древность означает начало чего-то, она конкретна. У разных *identities* разная природа, а потому разные начала / разная древность. Объединение людей в племена / народы, образование первых государств, зарождение религиозных воззрений и религий, становление современных наций происходили не одновременно. Естественно, в разных нарративах — региональном, этатистском (в том числе династическом или имперском), религиозном, национальном и др. — древность на шкале времени, привычно с XVI в. измеряемая в веках, разная.

Очевидно, в конвенции «Древняя Русь» речь идет в первую очередь и по сути о древности (москво)русской государственности, коль скоро «Русь» в ней с заглавной буквы. Государство выступает в представлении российской историографии исконно главной составляющей в иерархии идентичностей отечественного социума, началом и фундаментом, стержнем и гарантом русскости и символизирует ее якобы природное единство и неразрывную преемственность истории.

Определенно никому не придет в голову поставить так называемую Древнюю Русь в один ряд с Древним Китаем, Древней Индией, Древней Ассирией, Древним Египтом, Древней Грецией, Древним Римом и другими древними обществами, отстоящими от России на тысячелетия. Разве что тем, кто голословно числит «русский мир» испокон веков среди главных мировых цивилизаций. Но ведь Россия и (разная) русь не создала собственной космогонии, которая бы от начала мира определяла ее (и только ее!) основы общественного устройства и принципиально отличала ее и ее культуру от всех *других*. Россия вычленяет *свое* из общего европейского ряда, — прошлое которого базируется на ветхозаветной картине рождения мира, античной исторической карте и христианстве, — но настаивает на своем особом пути.

Казалось бы, так называемую Древнюю Русь резонно вписать в европейскую семью древностей наряду с Древней Германией, Древней Англией, Древней Польшей, Древней Венгрией и др. Но мифы этих древностей развенчаны. Зарубежные коллеги давно не оперируют подобными кон-

венциями, когда пишут о землях, составляющих ныне их отечества, или же племенах, некогда их населявших. Сохраняя историческую дистанцию, они не навязывают прошлому *ex post* преемственность социальных институтов, которых оно не знало. В общеевропейской современной (типологически ренессансной) системе исторических координат Античность / древность заканчивается с распадом Римской империи / началом Великого переселения народов — древние Германию, Англию, Польшу, Венгрию и др. в ней не найти. Как, впрочем, и так называемую Древнюю Русь.

Более того, в современной европейской парадигме древность привязана к началам наций, а не государств. В социальной иерархии институт нации потеснил в Новое время институты государства, Церкви, сословий и др. При этом древность европейских наций — воображаемого / мифического толка. Ведь общеевропейская древность / древность всех населяющих Европу народов в Новое время была укоренена ренессансными гуманистами во времена после потопа [Доронин 2003; 2012; 2018; 2022а; Doronin 2013]. И до сих пор ренессансная / (ранне)модерная историческая карта мира определяет политическую карту Европы. С мифа глубокой древности и самобытности этнокультурного *своего*, т. е. народа как исконной надрегиональной этнокультурной общности, ведет свой отсчет любая европейская современная нация, да и сам институт современной нации как таковой.

Последователи Петрарки / ренессансные гуманисты гармонизировали в XV в. историческую карту Европы на основе всех известных им тогда источников и примирили / синхронизировали все известные им тогда исторические парадигмы — универсальные ветхозаветную, троянскую и римскую, а также разные гентильные парадигмы / космогонии периода Великого переселения народов. Тем самым они манифестировали на рубеже XV—XVI вв. исконное от начала мира единство и преемственность европейского исторического и культурного пространства² перед лицом «контр-Европы», каковой, согласно меткой оценке Ф. Броделя, предстали к концу XV в. ислам и Османы [Бродель, с. 480]. Прошлое гуманисты впервые поделили на эпохи, противопоставив их друг другу; замечу, никогда ранее преемственность человеческой истории от ее начала сомнению не подвергалась. В этой новой (ранне)модерной системе исторических координат Средневековье «отрицало» Древность — варвары не были преемниками Античности: Ветхий Завет, греки и римляне не знали подавляющего большинства народов,

² Папа Пий II как гуманист, известный также под именем Энея Сильвио Пикколомини, вычленил это представление в формуле «in Europa, id est in patria, in domo propria, in sede nostra» [Oration «Constantinopolitana clades», S. 30].

к XV в. Европу населявших. Так что этим народам предстояло, отказавшись от собственных гентильных начал, заново «найти» свою древность в по-новому отформатированном мироустройстве, общеевропейском, — (ре)конструировать *свое*, утверждая его преемственность от начала мира и отрицая его дисконтинуитет, тем самым декларируя *свое* присутствие во всех эпохах европейского бытия — от *своей* (мифической) древности через нормализованное *свое* (отнюдь не варварское в их прочтении) Средневековье к возрождению (славного) *своего* в Новое время. Каждая европейская нация (ре)конструировала таким образом собственный нарратив древности / нарратив *своей* древности — на поверку не что иное, как миф. Так нарождалась полифония разных «равноавторитетных» национальных древностей в рамках единой общеевропейской — от потопа до падения Римской империи. Основные вехи этой древности были расставлены ренессансными гуманистами. В этой (ранне)модерной системе исторических координат Древность отделена от Средневековья и противопоставлена ему, а Средневековье — (раннему) Новому времени.

Но о какой бы эпохе речь ни шла, на исторической карте какой части земной суши стали бы мы искать племена, некогда занимавшие земли, объединяемые конвенцией «Древняя Русь»? Определенно в Европе, притом отнюдь не в Античности, а во второй половине I тыс. от Рождества Христова, т. е. в Средневековье на общеевропейской шкале истории. До так называемой Древней Руси не было Руси, тем более как самостоятельной цивилизации. Ни на одной общей шкале древности — будь то мировой или европейской — Руси не найти. В этой связи остается предположить, что конвенция «Древняя Русь» жизнеспособна исключительно в автономной российской системе исторических координат, государствоцентричной по своей природе, и годится лишь для внутрироссийского употребления.

Все ли нации, национальности, этнокультурные группы, для которых Русь IX–XIII вв. была и их историей тоже, считают ее древней / своим началом?

Русь IX–XIII вв. — часть истории в том числе украинцев и белорусов, а также русинов Словакии, Польши, Венгрии, Румынии и др. Она вписана сегодня в разные национальные и региональные нарративы разной руси³

³ Под «русью» я понимаю те «мы-группы», которые после распада Руси в XIII в. связывали с ней впоследствии свое прошлое и свои институты (веру и Церковь, династии и сословные устои, символы и «места памяти», язык и проч.).

«Русь» — не этноним. Даже в XII–XIII вв. летописи Руси не сообщали о ее народе как славянском. Да и само имя «русь» распространилось в ВКЛ и Речи Посполитой намного позднее

и представлена в них по-разному. Главное, свои истоки / свою (разную) рус(с)кость эти нации, национальности, субэтнические группы конституируют в этнокультурном, а не этатистском / государствоцентричном ключе. Их нарративы начинаются не с государства, не с Руси IX—XIII вв. — не с династии Рюриковичей и Крещения Руси. Да и почему, собственно, какая бы то ни было субэтническая группа, национальность или нация, долгое время или даже на всем протяжении своей истории существовавшая независимо от руси московской, обязана следовать в фарватере монополизировавшего рус(с)кость российского исторического нарратива, настаивающего на якобы исконно едином со времен так называемой Древней Руси «русском мире», сцементированном преемственностью его традиций и культуры от Рюриковичей до сего дня? Очевидно, и в династическом, и в религиозном, и в государственном, и в территориальном, и в языковом, и в культурном, и во многих других отношениях говорить об исторической во все времена преемственности разной руси отнюдь не приходится.

В национальном или субэтническом нарративе начала той или иной руси / их древность не конгруэнтны так называемой Древней Руси.

Разная русь, в силу обстоятельств оказавшись в раннее Новое время в разных территориально-политических образованиях и культурных пространствах, каждая по-своему переживала ослабление надрегиональных связей, и без того к моменту распада Руси непрочных, а также свои (разные для разной руси) династические и религиозные кризисы; каждая заново форматировала себя как самостоятельную этнокультурную «мы-группу». В разной мере и с разной продолжительностью разная русь испытывала влияние «латинского» Запада, и каждая по-своему адаптировала новую (ранне)модерную систему исторических и культурных координат в условиях сосуществования, противоборства и взаимодействия разных исторических и культурных линий самоидентификации, а также обострившейся в XVII в. церковной полемики. Каждой предстояло в раннее Новое время найти *свое* новое место на политической карте Европы — самостоятельное или инклюзивное.

как своего рода umbrella term, обозначающий некогда жителей Руси: литва и поляки противопоставляли себя рутенам / русинам. На северо-востоке Восточной Европы в XIII—XIV вв. все еще продолжали бытовать иные самоназвания, привязанные к конкретным землям, — суздальцы, новгородцы, москва и др.

Собирательный термин «русь» помогает нам избежать культивируемой сегодня модернизации русскости — прочтения ее на современный российский лад как исконного «российского». Русь / русь была и остается разной. О ее этнокультурном единстве речь не шла изначально; и даже после распада Руси главной в XIV—XV вв. оставалась ее региональная, территориально-политическая самоидентификация с фокусом на конкретное княжество и его правителя из династии Рюриковичей. А за этим последовали века разножития руси.

Применительно к разной руси в Новое время следует говорить о разных исторических пространствах и траекториях исторических судеб, разных линиях (ранне)модерного нациогенеза, разных нарративах древности. Свои начала разная русь не обязательно теперь связывала с Русью IX—XIII вв., даже на уровне разных сословий и разных конфессий ее представления о своем начале не были едиными. Укажу здесь, к примеру, на идею роксоланского происхождения руси-шляхты Речи Посполитой, категорически отрицавшей свое кровное родство с русью незнатной; на (редкие) попытки русинской знати ВКЛ встроить свои родословия в легенду о Палемоне; на разные конфессиональные нарративы руси о Крещении и др.

Конкурентная поликультурная и полиэтничная, неоднородная конфессиональная среда ВКЛ и Польши / Речи Посполитой предполагали как известную ассимиляцию и аккультурацию руси, так и ее противодействие этому. С XV—XVI вв. эта русь вынуждена была реагировать на вызовы официальных доктрин — «римской легенды» литвы и «сарматизма» поляков. На первых порах это укрепило, например, русь ВКЛ в желании реанимировать *свою* летописную традицию и представить историю ВКЛ как продолжение собственной, восходящей к первым Рюриковичам (см. Никифоровскую и Супрасльскую летописи), по крайней мере, объединить их (Слуцкая летопись). Но с конца XVI в. раннемодерные интеграционные проекты руси оказались завязаны не только на православие, но и на католичество (Станислав Ореховский, Иосиф Верещинский), униатство (Лев Кревза, Яков Суши, Игнатий Кульчинский и др.), протестантство (сторонники этой линии более других склонялись к «сарматизму»). Были и примеры прямой ориентации на западную культурную традицию (см., например, сочинения первой трети XVIII в. гетмана-эмигранта Пилипа Орлика). В целом для всех них характерен синтез идеологем, восходящих к Руси IX—XIII вв., с раннемодерными западными. Так, в XVII в. проявилась тенденция к латинизации Киевской митрополии и оформлению *Slavia Unita*. Наперекор этому и давлению со стороны Речи Посполитой укреплялась *Slavia Orthodoxa*, подтолкнувшая часть украинских священнослужителей (Захария Копыстенский, Лаврентий Зизания, Афанасий Кальнофойский) на сближение с Москвой. Стремление найти у русского царя защиту для Православной церкви и удовлетворить собственные карьерные амбиции подтолкнуло их к созданию мифологемы исконно единого православного «словенороссийского» народа, историческим и сакральным центром которого является Киев (Афанасий Кальнофойский, Феодосий Софонович, Иннокентий Гизель и др.). Но и в этом нарративе основная тяжесть исторической легитимации приходилась на манифестацию руси как народа исконно самобытного православного; госу-

дарство Рюриковичей в нем не начало русской истории; с ветхозаветного первопрядка Мосоха, шестого сына Иафета, следовало вести отсчет народа «словенороссийского» и всех славянских, как указывал Киевский Синописис 1674 г. и последующие его редакции.

Примечательно, что ко второй половине XVI в. русь-украина узнавала о своей домонгольской истории уже в основном из польских хроник. Вообще к началу XVI в. нам известны лишь три региональные летописи Юго-Западной Руси (Киевская, Волынская и Львовская), восходившие к летописной традиции ранней Руси; она исчерпала себя здесь к середине XVI в. К тому времени эта часть руси уже на протяжении трех столетий жила в новом для нее политическом и культурном, полиморфном по своему характеру мире и востребовала в том числе новые линии своей исторической самоидентификации. В частности, русинская знать объявила себя после Люблинской унии (1569) потомками роксоланов, входивших в античности в племенной сарматский союз. Этот ограниченный высшими сословиями русинский патриотизм прагматично дрейфовал в XVI—XVII вв. в направлении польского — сословные интересы оставались для русинской знати приоритетными. (В этом смысле так называемый дворянский национализм тормозил складывание украинской современной нации, а восходящий к ПВЛ династический нарратив Рюриковичей не способен был в XVII в. консолидировать все сословия руси-украины.) Как показывает В. И. Ульяновский [Когда зарождаются нации, с. 187], попытка некоторых украинских церковных интеллектуалов первой половины XVII в., например Мелетия Смотрицкого, манифестировать кровное родство всех социальных групп руси-украины независимо от сословия встречала резкое сопротивление русинского нобилитета: «Называете нас рожденными из одной крови с вами и родичами своими. Это просто неприлично... Ибо какая же то единая кровь наша шляхетская с плебеями? Какое родство с хлопами? Вы думаете, что роднитесь по крови и равняетесь происхождением со старинными руськими родами» [Памятники литературной полемики, с. 737–738].

Так или иначе, к XVII в. русь-украинские интеллектуалы были убеждены, что русь и москва — разные народы. Так полагал, в частности, и автор Густынской летописи (1620-е гг.), добросовестно собравший все известные к XVII в. версии происхождения славянских народов (прежде всего античные, хотя не забыл он и ПВЛ): «Двѣ суть Сармації: едина Асьсийская, а другая наша Европская. Ассийская Сармация за рѣкою московскою Дономъ, глаголемою Тапайс... Ко востоку жители ея по-над Доном народ Московский, прочий же къ востоку Скифи. Раздѣляетъ же ся Ассийская Сармация от Европской Сармації вышпомянутою рѣкою Дономъ» [Густынская

летопись, с. 15—16]. Со времен потопа, как сообщает Густынская летопись далее, русь и москва вместе с другими народами населяли Приазовье (Европейскую Сарматии) и были известны во время Троянской войны как энеды / венеты, и «изыйдоша Енеды от Чорного моря и наполниша въ Европии многия страны полунощныя. И ныне тамо живутъ Русь и проч.» [Густынская летопись, с. 14]. В XVII—XVIII вв. украинские интеллектуалы в большинстве своем считали, что русь происходит от Рифата и Форгамы, потомков сына Иафета Гомера, а москва — от младшего (!) брата Гомера Мосоха, т. е. русь старше москвы; другие же подчеркивали единство руси и москвы в православной вере, и только. Но Густынская летопись напоминала также, что после Троянской войны в Приазовье остался еще один славяноязычный народ — черкасы (под ними понимали казаков): «А на оныхъ ихъ мѣстѣхъ над езеромъ Меотинъским нынѣ живутъ Черкасы и Пятигорцы, мужѣ сильными и храбрии на брани, нашимъ же языкомъ глаголють» [Густынская летопись, с. 13]. Со времен Трои они автохтоны Приазовья. Через несколько десятилетий это упоминание вкупе с западными опусами, и в XVI в. утверждавшими Хазарию в Приазовье, дали казацким хронистам повод стилизовать казаков как самостоятельный народ — потомков хазар⁴. Именно «хазарский миф» стал в XVII в. основой исторической самоидентификации малороссийского народа / украинской нации⁵. Этот миф позволял казакам противопоставить себя как полякам с их сарматским мифом, так и москвитам с их первопредками и настаивать на исконно самобытной глубокой древности малороссийского народа. Поначалу «хазарский миф» игнорировал «более позднее» киеворус(с)кое прошлое «своих земель», но впоследствии адаптировал его — прагматичные интересы «казацкой нации» востребовали историческое наследие Руси IX—XIII вв.; к тому же, обратившись в православие, казаки нашли поддержку руси-украины и ее Православной церкви и в конце концов слились с русью-украиной в единый народ. Самоназвание *украинский* стало восприниматься как тождественное *малороссийскому казацкому*, пока не вытеснило его. Так или иначе, идея «народа казаков», которую мы обнаружим в текстах их интеллектуалов конца XVII—XVIII вв. (см. Летопись Грабянки, Летопись С. Велички и др.), существенно рас-

⁴ На древних картах хазары — коренное население Скифии. Под скифами зачастую в XV—XVI вв. понимали татар. До середины XVII в. казаки оставались смешанным в этнокультурном и религиозном отношениях воинским сословием и не имели собственного исторического нарратива.

⁵ Следы «хазарского мифа» можно обнаружить и в москворусских нарративах первой пол. XVII в., например в «Сказании о Словене и Русе», где Казардан / Азардан / Зардан — брат Скифа, то есть он старше Словена и Руса, являвшихся сыновьями Скифа.

ходила с московскими интеграционными образцами и московской древностью. «Хазарский миф» цементировал языковые, надрегиональные территориальные, сословные, конфессиональные и другие линии идентичности украинских земель и стал своего рода дрожжами ее современного национального проекта. Русь Рюриковичей IX—XIII вв. была в нем *ad marginem*.

Разумеется, эта хазарская древность малороссийского / украинского народа, как и любой нарождавшийся раннемодерный национальный нарратив, — миф / воображаемая реальность. Но именно мифы автохтонной, самобытной (*свой vs другой / чужой*) древности народа и преемственности его истории от начала мира конституировали любую современную нацию в XVI—XVIII вв. Профессиональные историки со временем деконструировали мифы этих национальных древностей, как и сам миф древности той или иной нации, но идея исконной надрегиональной этнокультурной общности народа / нации продолжает жить и спланивать нацию и сегодня. Очищенная в Новое время от мифов, она побуждает преодолеть все различия — региональные, сословные, конфессиональные и любые другие — и поставить государство себе на службу, самоорганизоваться в гражданское сообщество на основе равного для всех его членов закона.

Что же касается руси ВКЛ, то она не создала собственного (ранне)модерного национального нарратива, но растворила *свою* «древность» в нарративе политическом литвинском. Великое княжество Литовское отличалось к XVI в. толерантностью общежития руси и литвы. Во многом они адаптировались друг к другу на разных социальных уровнях повседневности, тем более что земли руси не были выделены в ВКЛ как самостоятельные в административном отношении; русь слабо артикулировала себя как общность на надрегиональном уровне. Уже к XVII в. в ВКЛ оставалось мало локусов, где русь последовательно сохраняла свои аутентичные этнокультурные традиции. Ее семейные, локальные, региональные связи были куда крепче надрегиональных. К XVII в. оформилась политическая общность литвины, о которой в исторической перспективе уместно говорить как о *failed nation*. Так или иначе, если в начале XVI в. Никифоровская и Супрасльская летописи еще вписывали Русь IX—XIII вв. в историю ВКЛ от его начала, то уже со второй половины XVI в. русь ВКЛ не оставила по себе ни одной летописи, а истоки княжества представляли связанными исключительно с литвой. Вероятно, у руси ВКЛ к XVII в. не было выраженных причин противопоставлять себя литве, отделять себя от нее, в том числе в прошлом. И хотя позднее Российская империя постоянно напоминала этой руси о якобы единых корнях русского / российского народа, та не забывала о четырех веках тесного общежития с литвой и литвинской (*failed*) *nation* как

едином народе. Неудивительно, что проводники белорусского национализма XIX в. апеллировали к «вечному единству» с литвой, где русь была «как ядро в орехе», а так называемую Древнюю Русь как начало *своей* истории не рассматривали.

Так или иначе, к XVII в. значительная часть (разной) руси вовсе не связывала свое прошлое с московрусским / российским, наоборот, противопоставляла ему и не принимала московскую ветвь Рюриковичей как единственно правомочную наследницу Руси IX—XIII вв.; в XVII в. у руси-украины и руси ВКЛ постепенно оформлялись их новые исторические этнокультурные легитимации, в которых так называемая Древняя Русь была не точкой отсчета, но лишь одним из этапов их прошлого, притом поздним; да и Россия до второй половины XVII в. еще не претендовала на всю русь как единый с ней народ. Даже в конце XVII — XVIII в., когда русь-украина и русь ВКЛ оказались частично интегрированы в Российскую империю как якобы исконно российский народ, немосковская русь отделяла / отличала себя от руси московской. Представление о едином с древности русском народе укоренилось лишь в нарративах имперских (русь — подданные Рюриковичей) и религиозных православных (истинная русь — православная).

Что же до этнокультурных групп русинов, не являвшихся титульной национальностью в государствах их проживания, то их региональная этнокультурная самоидентификация базировалась не на преемственности так называемой Древней Руси, но на продолжении региональных этнокультурных традиций.

Так или иначе, конвенция «Древняя Русь» иррелевантна нарративам древности той руси, которая отличала и отличает себя от руси московской / сегодняшних россиян.

«Древняя Русь» как начало

Так называемая Древняя Русь — анахронизм. В IX—XIII вв. ее знали как Русь / Рус(ь)кую землю, а после, вплоть до XVI—XVII вв., помнили как «старожитные времена» / «старину», а Рюриковичи — как наследие дедичей.

«Древний» в российском историографическом нарративе выступает, вероятно, синонимом определению «старый» / «старинный», которое, как известно, не имеет конкретной привязки к шкале истории. В то время как обозначение «древний» в общеевропейской системе исторических координат вполне верифицируемо, оно тождественно «Античности», закончившейся, как принято считать, с распадом Римской империи. Очевидно, дихотомия «старый vs новый» предполагает последовательность этапов развития

того или иного социального организма, а потому имеет отличное смысловое наполнение от не предполагающей линейного развития и преемственности схемы периодизации европейской истории «Древность — Средневековье — Новое время». И это запутывает. Так называемая древность Руси иной природы, чем древность Европы.

«Древняя Русь» — исследовательская конвенция, оформившаяся в XIX в. компенсаторно: в «век национализмов» россиянам (и не только филологам) понадобилась *своя* древность, дабы не выпасть из европейского идейно-политического мейнстрима. И «древняя Россия, — согласно хрестоматийной формуле А. С. Пушкина, — была открыта Карамзиным, как Америка Колумбом». Но это была Россия первых Рюриковичей, заново (нет, не так, как Америка!) открытая российскому читателю. Н. М. Карамзин не первый написал историю так называемой Древней Руси, он не искал Русь до первых Рюриковичей, не ревизовал периодизацию российской древности, но оживил / индивидуализировал «Древнюю Русь» и первых Рюриковичей. Противопоставляя старое и новое и преследуя тем самым программные цели, он апеллировал к так называемой Древней Руси как исконной земле предков.

Как известно, термин «древнерусский» был введен в оборот в конце XIX в. филологами в отношении первых письменных памятников руси⁶. Российским филологам XIX в. было ясно, однако, что Русь IX—XIII вв. целиком принадлежит Средневековью на общеевропейской шкале истории. Не вызывает это протеста и в современной историографии. Но коллеги, не смущаясь, смешивают две разные по своей природе парадигмы — этатистскую изоляционистскую российскую и националистическую модерную европейскую, — и тогда так называемая Древняя Русь благополучно предстает Средневековьем, которое длится до конца XVII в., когда прочие народы Европы, соседи, уже на протяжении двух веков живут в (раннем) Новом времени.

⁶ Замечу, и в немецкой историографии есть сходный термин — *altdeutsch* — применительно к языку и ранним письменным памятникам на *teutsch*. Его следует перевести как «старонемецкий», так его понимают и немецкие коллеги. Записанные на старонемецком описи и хроники известны уже с конца VIII в. Однако VIII в. не ассоциируется в немецкой историографии с Древней Германией, как и государство Карла Великого, которого немцы считают первым своим (немецким) императором. Так называемая Древняя Германия уходит на тысячелетия в глубь истории, к временам после потопа, к Туискону и его потомкам. Этот миф, основанный на «Германии» Тацита и ренессансных исторических нарративах, пусть и развенчанный, объединял немецкую нацию, якобы наследницу древних германцев, как воображаемое надрегиональное этнокультурное сообщество, базирующееся на общей исторической памяти и якобы исконной самобытности.

«Древняя Русь» как Средневековье

Конвенция «Средневековье», принятая в современной европейской историографии, обозначает эпоху общую для Европы, ее датируют V—XV вв. и наделяют характеристиками и коррелятами, более или менее общими для всех ее составляющих. И в этом смысле Средневековье российское, если рассматривать его как часть европейской истории, при всей своей специфике не является инородным ей. Герметичных культурных традиций в Европе не существовало и не существует. История московской руси / шире россиян являлась и является частью общей европейской.

У России нет некоего собственного / особого Средневековья, которое бы, обозначая разрыв между так называемой Древней Русью и сегодняшней Россией, противопоставляло эпохи друг другу. Наоборот, по мнению российской историографии, Россия — наследница так называемой Древней Руси / неизменно преемственна ей династией / властью, верой православной и Церковью, летописной традицией и книжностью и др. Главные ее вехи она связывает с именами наиболее видных правителей России. О каком бы то ни было разрыве российской истории речь в российской историографии не идет. Какой смысл в таком случае в выделении различных (отличных одна от другой) эпох ее истории — Древности, Средневековья, Нового времени? Разве смена персоналий на российском троне позволяет отграничить Древность от Средневековья, а его — от Нового времени?

Но манифестируемая российской историографией преемственность российской истории от так называемой Древней Руси, прочитанная ею как общерусская, воспринимается коллегами как козырь. Своей реальной / конкретной «древностью» так называемая Древняя Русь якобы «бьет» мифическую древность прочих европейских народов, засвидетельствованную в их летописях. Верифицируемая на основе ранних рус(с)ких летописей так называемая Древняя Русь, не вписанная ни в какую космогонию, но привязанная к началам своей государственности, более или менее поверяемой источниками и археологией, выгодно контрастирует с «баснословиями» западных средневековых хроник. Но, подчеркну еще раз, российские коллеги упускают из виду, что в их системе исторических координат главным субъектом и объектом истории является государство, а в остальных современных европейских — народ / нация⁷. Однако в национальном и этатистском нарративах «древность» разная — одна отстоит от другой на тысячелетия;

⁷ Дилемму, что первично в истории, народ по отношению к государству или государство по отношению к своему народу, российская историография решает иначе, чем прочие европейские.

в первом случае это древность мифическая / воображаемая, во втором — на общечеловеческой шкале истории не древность вовсе.

Древняя Русь vs древняя русь

Древнюю Грецию мы сопрягаем с древними греками, Древний Рим — с древними римлянами, Древний Египет — с древними египтянами, Древнюю Ассирию — с древними ассирийцами, Древнюю Персию — с древними персами / сегодня иранцами и т. п. Но «Древняя Русь» и «древняя русь» — две разные, исторически не совпадающие и не сопрягаемые величины. Древний народ российский появляется у Ломоносова на исторических подмостках уже после потопа, в то время как так называемая Древняя Русь оформится лишь спустя тысячелетия. Так называемая Древняя Русь не предполагает древнюю русь.

Очевидно, древность — всегда начало чего-то. И начала более древнего, чем древнее, быть не может. У любого социального организма начало одно, пусть его и могут переписывать *ex post* в зависимости от меняющихся представлений того или иного сообщества. Если Русь IX–XIII вв. — древняя и эта связанная с первыми веками ее государственности древность является ее началом — следовательно, более ранней древности / какого-то иного начала Русь не знала. Предсказуемо и неудивительно, что В. Н. Татищев в своей «Истории Российской с самых древнейших времен» [Татищев 1769; 1962] называет все те связанные с восточными славянами и угро-финнами события, которые относились ко временам до образования Руси Рюриковичей, «предысторией», к истории Руси отношения не имеющей. История России для него начинается с государства Русь в IX в.⁸ Из «предыстории» России В. Н. Татищев даже не пытается протянуть к Руси первых Рюриковичей какие-либо линии преемственности и обнаружить в «предыстории» России Русь как таковую, не ищет он и свидетельств в пользу дорюриковичей государственности населявших эту территорию племен. Согласно Татищеву,

⁸ Официальный российский исторический нарратив и сегодня проводит эту линию. См. [ru.wikipedia.org](https://ru.wikipedia.org/wiki/История_России): «история страны разделяется примерно на семь периодов: древнейший (догосударственный) (до кон. IX в.) период, период Киевской Руси (до сер. XII в.), период раздробленности (до нач. XVI в.), период единого Русского государства (с 1547 г. / царства — 1721), период Российской империи (1721–1917), советский период (1917–1991) и новейшая история (с 1991 г.), см. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/История_России (дата обращения — 24.01.2024). Притом не с Киева отсчитывает теперь канонизированная российскими властями публичная версия начала российской государственности, а с призвания варягов в Ладогу и с новгородского князя Олега, который «захватил Киев, тем самым объединив северные и южные земли восточных славян под единой властью, положив начало Киевской Руси». Из схемы видно, что в фокусе российской истории и историографии государство, а не народ.

«предысторию» следует понимать как этап догосударственный / древнейший. Но с этапа древнейшего / «предыстории» история Руси не начинается — в нем Руси нет.

Иначе на это смотрел М. В. Ломоносов. В 1749—1750 гг. он яростно, эмоционально ввязался в спор о началах России с ее официальным историографом, немцем Г.-Ф. Миллером, полагавшим, что от скандинавов «Россия... Царей и имя свое получила» [Миллер, с. 39]. Сочтя это утверждение оскорбительным для урожденного русского, он удревнил Русь до времен слепотопных, в коих укореняли себя в раннее Новое время все прочие европейские народы. В ломоносовской системе исторических координат, благопривитой ему во время его обучения в Германии, не с государства начинается история народа, но народ / нация дает начало всему *своему*: землям, городам, государству, языку и письменности, вере, самоназванию и т. д.; народ древнее всех своих институтов, они — частное по отношению к народу как общему, а государство возникает на более поздней стадии его самоорганизации; народ первичен по отношению ко всему, с ним связанному. Так, ломоносовская «Древняя Российская история от начала *российского народа* до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 г.», так и не вышедшая при его жизни, стала его ответом Г.-Ф. Миллеру: древняя Русь начинается, по мнению Ломоносова, за тысячелетия до призвания Рюрика.

Начала «Древней Руси» Татищева и «древней руси» Ломоносова разделяют почти четыре тысячелетия. Соединить их в одну древность невозможно. Татищев и Ломоносов декларируют ее в разных системах координат — изоляционистской государствоцентричной и общеевропейской нациоцентричной. Где начало Руси: в мифической древности после потопа? в известных античным авторам племенах, населявших эти земли задолго до Руси Рюриковичей? в Руси Рюриковичей как первом опыте государственности на этих землях? Это разные нарративы / разная древность. От ответа на вопрос о древности как начале чего-то зависят объект и фокус наших исследований, а с ними и исследовательские приоритеты.

По понятным причинам российская историография утверждает этатистский нарратив, все прочие европейские историографии — национальный.

Ломоносовский национальный нарратив, — в котором скифы (славяне) и сарматы (угро-финны) якобы уже вскоре после потопа слились в единый в будущем русский народ и населили свои исконные земли, основали свои первые города и государства (задолго до Рюриковичей), попутно доросли (самостоятельно) до единобожия [Doropin 2012; 2014; Доронин 2014], — противоречит татищевскому этатистскому. Однако удивительным образом российская историография не элиминирует ломоносовскую схему россий-

ской древности⁹. И хотя непротиворечиво примирить общеевропейское современное деление истории на «Античность — Средневековье — Новое время» с изоляционистским российским (не знающим разрыва между Древностью и Средневековьем) невозможно, отказываться от тезиса Ломоносова, настаивавшего на том, что «российская история довольна к сравнению с каждым иным европейским народом» [Ломоносов, с. 174], российская историография не намерена. Но ведь сравнивать можно лишь в единой системе координат по единым коррелятам...

Чуть ли не каждый российский интернет-портал, продвигающий официальный нарратив начальной российской истории в массы, начинается с заклинания «история *России* уходит в глубокую древность». История чего уходит в древность? России, Руси или руси? Насколько глубокую? На исторических картах какого времени отыщется первое упоминание о руси / Руси? А если таки отыщется в Античности или раннем Средневековье кто-то на этих землях, то русь или Русь ли это?

Даже в титуле авторитетной в России академической серии публикаций «Древняя Русь в свете зарубежных источников» фигурирует конвенция «Древняя Русь», хотя, очевидно, не должна была бы, ведь ее составители ищут и находят в Античности в этой части Европы вовсе не Древнюю Русь, вообще не Русь или русь, а населявшие эти земли и известные еще Геродоту и Александру Великому племена под собирательным этнонимом скифы [Древняя Русь]. И коллеги готовы увидеть в этих воинственных кочевниках «предысторическую русь» *pars pro toto* и начать с нее отсчет истории отечества. Так сколько же у Руси начал / древностей?

Из того же ряда исследования на тему «древнейшие народы и государства на территории России», к истории России отношения не имеющие. Это были народы и государства на своей собственной территории. Например, греческие колонии в Причерноморье. Они — часть античной истории Европы, притом многие — поздней. Их древность древнее российской. Как *чужая* древность (на ее излете) может быть древнейшим этапом *своего*, предшествовать *своей* древности? Если же древнейший этап понимать как историю племен, некогда на этих землях обитавших, а их — как начало *своего*, то в таком случае необходимо проследить эти линии преемственности и именно они должны были бы стать основой самоидентификации руси в древности, а не возникшая гораздо позже на этих землях государствен-

⁹ Оценка советской историографии, ставящей в заслугу Ломоносову то, что он первым в России сформулировал проблему перехода от Древности к Средним векам [Путнынь, с. 12; Фруменков], ревизии со стороны российской историографии не претерпела.

ность Рюриковичей. Но и племена эти древние к руси или Руси отношения не имеют.

Насколько корректно / зачем нужно выделять «древнейший этап» в истории России (ту самую татищевскую «предысторию»), коль скоро в скрижали официального отечественного историописания, сфокусированного на преемственности российской государственности / власти, он не попадает — Русь тогда еще не началась. Древнейший этап российской истории так и остается под вопросом и становится нередко предметом спекуляций.

Ни в одном национальном нарративе древнейшего этапа как пролога к древнему нет.

Всегда ли Московская Русь / московская русь вела свой отсчет от Руси IX–XIII вв.?

Совершенно очевидно, что и о преемственности власти от так называемой Древней Руси к России говорить нельзя. Не только потому, что Русь IX–XIII вв. не была централизованным государством и власть великого князя не передавалась в ней по наследству; не только потому, что династия Рюриковичей была разветвленной и ее представители оказались после распада Руси в разных государственных образованиях и в равной с московскими Рюриковичами степени могли заявлять претензии на «земли дедичей»; не только потому, что московская ветвь династии Рюриковичей пресеклась в конце XVI в.; не только потому, что около четырех веков разная русь существовала раздельно и к XVII в. не воспринимала себя как единый с москвитями в политическом и этнокультурном отношении народ, каковым, собственно, никогда и не была; но и потому еще, что заявившее в XIV в. претензии на земли распавшейся Руси как вотчину «дедичей» Московское княжество / Русское государство вплоть до XVII в. не апеллировало к Киеву и первым Рюриковичам как своим истокам, в том числе истокам своей государственности. В XVI и долго в XVII в. московские правители вели отсчет истории своего княжества не с IX в. и были преемниками не святого князя Владимира. На знаменитой иконе Симона Ушакова «Похвала иконе Богоматерь Владимирская» (1663) древо государства Русского вскармливает князь Иван Калита и митрополит Киевский и всея Руси Петр¹⁰, а первые в иконописном ряду протагонистов и «мест памяти» Московской Руси — митрополит Киевский и всея Руси Алексей (1296–1378) и преподобный князь Александр Невский (1221–1263) [Родословные древа русских царей, с. 41].

¹⁰ Он первым среди киевских митрополитов — в 1325 г. — сделал Москву местом своего постоянного пребывания, но уже в 1326 г. умер.

Молитвенно за сакральной легитимацией московские правители обращались к святому князю Владимиру (так в Степенной книге), но не Киев как крещенская купель был для них в XVII в. метрополией религиозной, а Москва. Иногда наряду со святым князем Владимиром поминали и святую княгиню Ольгу (см., например, миниатюру Синодика Спасо-Преображенского монастыря в Ярославле 1656 г. и роспись свода паперти Спасо-Преображенского собора Новоспасского монастыря в Москве конца 1680-х гг.) [Родословные древа русских царей, с. 49, 63]; эта традиция берет свое начало еще из житий и богослужебной практики, где князь Владимир и княгиня Ольга уподоблены крестителям Византии Константину и Елене, что приумножало сакральный характер власти правящего российского дома.

И лишь ближе к концу XVII в. святой князь Владимир «становится» родоначальником великомосковских князей / русских царей (см., например, синодик Воскресенского Новоиерусалимского монастыря начала 1680-х гг.) [Родословные древа русских царей, с. 55], а Федор Алексеевич предстает наследником ранней Руси Рюриковичей. Но преемственность эта была подсказана Москве православными киевскими интеллектуалами, во второй четверти XVII в. зачавшими к Алексею Михайловичу за поддержкой Православной церкви руси-украины.

Меж тем в 1630-е гг. в России, особенно в провинции, широко распространился и стал набирать популярность не государство-, а националистический нарратив — «Сказание о Словене и Русе». В фокусе Сказания начала народа русского, а не его правящей династии, и пришлось они на времена послепотопные, за тысячелетия до Рюриковичей, потомок Иафета Скиф изображен в нем первоначально славян и руси [Доронин 2022b]. Первой столицей руси Сказание объявляет Словенск (после двукратного разорения возродившийся впоследствии как Великий Новгород). Примечательно, что уже в 1652 г. Сказание вошло в Патриарший лицевой свод и обрело тем самым статус официального нарратива в представлении Православной церкви Русского государства. Она охотно приняла идею всеславянского родства от времен потопа, открывавшую перед ней (и энергичным, нацеленным на реформу Церкви патриархом Никоном) новые возможности по укреплению ее позиций в православном мире. Однако эта идея вступала в противоречие с позицией его предшественников, развивавших представление о православной руси в противовес православию руси литовской и Речь-Посполитской, вообще западному православию. Неудивительно, что «Сказание о Словене и Русе» не пришлось к царскому двору, ведь авторитет правящей династии

был в нем «принесен в жертву» якобы исконной от потопа древности русского народа. А потому и в российской историографии Сказание практически не оставило по себе следа.

И все же определенно приметой раннего Нового времени является то обстоятельство, что во второй половине XVII в. московская русь снова и снова пыталась встроить себя в новую историческую карту Европы, сверстанную на рубеже XV—XVI вв. В ее нарративы все настойчивее пробивалась идея автохтонии руси от самого потопа — от Словена и Руса [Доронин 2022a], или от шестого сына Иафета Мосоха [Доронин 2019], или же от семита Серуха («се Русь») — одного из «пращуров» племен, населявших в древности азиатскую часть Скифии [Доронин, Сиринов]. Сама мифология многотысячелетней древности руси проявилась как следствие Смуты, пошатнувшей в начале XVII в. главные институциональные твердыни России — государство и Церковь. И русь московская попыталась было обрести в этих условиях новую для себя опору и по примеру других народов Европы занялась поиском самобытных авторитетных этнокультурных истоков от начала мира — поиском своей (новой) древности. Дошедшее до нас лишь в предисловии «Учение историческое» (конец XVII в.), созданное в период недолгого царствования Федора Алексеевича, констатировало: «...только московской народ и российской историю общую от начала своего не сложили и не издано, типографии по обычаю», отчего оставались в неизвестности «дела их славныя бывшия, которая покрыты были темнотию забвения» и «какия их начала» [Замысловский, с. XLII, XLI]. Разумеется, народ московский был осведомлен и о династии Рюриковичей, и о Крещении Руси, и об основании Москвы, но начала свои / свою древность связывал теперь не с ними. Автор «Учения» призывал переписать российскую историю, дать ей новую точку отсчета. Тщетно, «его царское величество желает ведать *российского государства историю*, и о сем первее трудиться надобно, а не о начале света и других государств» (курсив мой. — А. Д.) — так по поручению Петра I указывал Мусин-Пушкин в своем письме дьяку Федору Поликарпову [Пекарский, с. 317]. Уже к середине XVIII в. ветхозаветные первопредки руси были вычеркнуты из династических родословий Романовых. А интерес эпохи романтизма к фольклору / народной стихии, подхваченный нарождавшимся в России во второй половине XVIII в. славянофильством, не вышел за рамки культурного течения — объектом его мифологизации стали начала Руси Рюриковичей, так называемая Древняя Русь, а не мифическая русь после потопа.

Раннемодерный миф российской нации не имел в империи шансов реализоваться, подчинить национальной (в раннее Новое время этнокультур-

ной в своей основе) идентичности прочие институциональные связи российского социума. Главным стержнем российской истории и по сей день остается преемственность российской государственности / власти, а не народа — русскость была инструментализирована в интересах строительства империи. Но постепенно вследствие прироста империи за счет земель сибирских и южных пафос наследования от так называемой Древней Руси был релятивирован, и вектор легитимации российской государственности был окончательно скорректирован в пользу имперского — все народы / национальности России, включая (разную) русь, отныне воспринимались прежде всего как подданные империи, начало которой связывали с так называемой Древней Русью. Хотя в исторической перспективе империи было в ней тесно.

Не-варварство Древней Руси

Утверждая XVII в. последним веком так называемой древнерусской книжности [Буланин], российские коллеги имеют целью подчеркнуть многовековую, якобы не знающую разрывов преемственность этнокультурной традиции руси в противопоставлении «самодовольному просветительству» Запада, характеризующему Средневековье большинства европейских народов как «пропасть дикости и варварства» [Буланин, с. 3]. Российские коллеги отнюдь не готовы рассматривать так называемую древнерусскую книжность как «варварскую». Наоборот, не привязанная к «латинской» античной греко-римской традиции как эталонной, она предстает в изолированном отечественном интеллектуальном поле как самобытная и самодостаточная, не подлежащая ранжированию в общеевропейском культурном пространстве и критике с оглядкой на вечный Рим. В таком отношении к отечественному наследию изоляционистская оптика представляется российским коллегам не просто достойной и оправданной, но нормативной.

И если нарождавшиеся в раннее Новое время современные европейские нации доказывали Риму «не-варварство» *своего / свою* исконную самобытность и древность, рассчитывая на равных с другими народами вписать себя в исторически единую европейскую семью и утверждали ее общее начало, общие вехи развития, общие культурные ценности, общую веру, то у России с ее этатистским нарративом цель прямо противоположная — изоляционистская оптика нужна ей для обособления и противопоставления остальной Европе. Российская историография творит эксклюзивный нарратив, вычлняя Русь из общеевропейского ряда, и декларирует *свои* начала / *свою* не-древнюю Древность на совершенно отличной от прочих европейских нарративов основе — этатистской, а не этнокультурной.

В чем некорректна и чем опасна конвенция «Древняя Русь»?

В конвенции «Древняя Русь» определение «древняя» воспринимается многими коллегами как не нагруженный политическими коннотациями синоним «старого / старобытного», как эпитет. В действительности же оно задает генеральный вектор российской легитимации рус(с)кости — ориентированный на Русь как государство якобы древнее. Однако это определение не только некорректно в научном плане, как я попытался показать выше, но и опасно в политическом.

Россия утверждает собственную систему исторических координат, отличную по своей природе от национацентричной европейской. Российская древность не корреспондируется с общеевропейской не только в хронологическом плане, но и в ценностном. Она irrelevantна исторической и политической карте Европы.

Утверждая так называемую Древнюю Русь как начало рус(с)кости, российская историография исключает таким образом любую альтернативную систему исторических координат, в которых так называемая Древняя Русь — не начало / не древность. Например, национальную. Нанизанная на стержень государственности, она игнорирует, в частности, украинский и белорусский современные национальные нарративы.

Конвенция «Древняя Русь» в смысле истоков единой централизованной Руси, — каковой она не была и в IX—XIII вв., — девальвирует и релятивирует последующий многовековой опыт разноразвития руси, маргинализирует все иные векторы ее развития, кроме московорусского как магистрального, стремившегося возродить Русь как якобы единую и централизованную. Она не допускает, что другая русь могла стать впоследствии органичной частью иного политического или этнокультурного образования или даже другого народа со *своей* собственной историей, своим собственным (новым) началом / собственной (новой) древностью. Пример тому — украинский народ, ранне-модерный национальный нарратив которого зиждется на мифе исконной и глубокой древности казацкого народа, отличной от мифов польского «сарматского» народа или народа московского с его ветхозаветными предками.

Казалось бы, российская историография, как любая другая европейская, номинально основывается в своей периодизации на схеме «Древность — Средневековье — Новое время». Однако ее *medium aevum* имеет принципиально отличное от общеевропейского прочтение: он предполагает не культурный разрыв между Античностью и Средневековьем, но (по умолчанию) разрыв политический — русь стала на несколько веков частью раз-

ных государств. Нормализуя это *свое* Средневековье (якобы разная русь в разных политических пространствах неизменно сохраняла и пестовала собственные культурные традиции и стремилась к воссоединению), российская историография доказывает преемственность *своего* Средневековья от *своей* Древности, так называемой Древней Руси. Все, что было до так называемой Древней Руси и осталось за ее рамками в «древности», для россиян не имеет экзистенциального значения.

Российская историография монополизирует рус(с)кость, утверждая главным ее гарантом якобы преемственность рус(с)кой государственности от так называемой Древней Руси, и догматизирует нарратив рус(с)кости без права переписывания / переосмысления в зависимости от перемен в мире; настаивает на извечной и неизменной уникальности «русской цивилизации» / «русского мира» *par excellence*. Только-то на основании якобы преемственности власти?

Если Русь IX–XIII вв. не древняя, то какая?

Почему бы не маркировать Русь IX–XIII вв. как Раннюю в привязке (именно и в первую очередь) к государственности? Так бы мы избежали острой не только политической, но и историографической дискуссии. Ранняя государственность не значит обязательно древняя в смысле начала чьей-то истории. Важно, в какой исторический контекст эта Ранняя Русь встроена. И тогда любая из историографий Восточной Европы вольна самостоятельно определиться с тем, какое место занимает и какое значение имеет этот этап в ее истории. Напомню, в национальном нарративе начала государственности не являются необходимым и достаточным коррелятом рождения нации. Правда, думаю, при таком подходе представление о Ранней Руси как Древней проживет недолго.

Я бы предложил также закрепить за первыми письменными памятниками Ранней Руси название раннерус(с)кие, а за их продолжением в XV–XVII вв. — позднерус(с)кие. С раннего Нового времени уже вполне правомерно говорить о письменных памятниках как ранних украинских и руськомовных литвинских (с Нового времени — беларуских). Да и в Московской Руси в XVII в. появляются исторические нарративы, которые нельзя отнести к жанру летописных, — это первые национальные версии московрусской истории, начала Руси они связывают не с Русью IX–XIII вв., а с народом российским, якобы оформившимся уже вскоре после потопа. Так или иначе, у разной руси в раннее Новое время складывались (у каждой свой) новый культурный багаж и новые (смешанные) культурные традиции,

новые линии самоидентификации и новые исторические нарративы, которые не обязательно зиждились на наследовании исторического опыта так называемой Древней Руси, но постепенно вытесняли его. Новые разные над-региональные этнокультурные самоидентификации руси предлагали разную руси разные новые точки ее отсчета, разное новое прошлое — они и легли в основу разных (ранне)модерных национальных нарративов разной руси, новых народов. Но преградой на пути их реализации стала империя.

Что же касается православной церковной литературы, то специалисты в этой области вполне могут кодифицировать и каталогизировать ее, отказавшись от конвенции «Древняя Русь».

Так или иначе, применительно и к государству, и к Православной церкви, и к летописанию руси — а на их преемственности «древнерусскость» руси с IX по XVII в. в отечественной историографии, собственно, и фундируется — конвенция «Древняя Русь» является, на мой взгляд, неоправданной и некорректной в научном отношении, во многом политически мотивированной, что не допускает альтернативного прочтения истории руси. Со всеми вытекающими из этого последствиями.

Литература

- Бродель 1992 — Бродель Ф. Время мира: Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. М.: Прогресс, 1992. Т. 3. 680 с.
- Буланин — Буланин Д. Последнее столетие древнерусской книжности // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб.: Дмитрий Буланин, 1992. Вып. 3: (XVII в.), ч. 1. С. 3–13.
- Густынская летопись — ПСРЛ. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 40: Густынская летопись. 202 с.
- Доронин 2003 — Доронин А. В. Миф и национальная история в культуре Возрождения в Германии // Миф в культуре Возрождения / Ред. Л. М. Брагина. М.: Наука, 2003. С. 198–209.
- Доронин 2012 — Доронин А. В. Post diluvium: К истории одной (не)удавшейся фальсификации // Историческая память в культуре Возрождения / Отв. ред. Л. М. Брагина. М.: РОССПЭН, 2012. С. 128–140.
- Доронин 2014 — Доронин А. В. Россия и Новое время, или Почему Ломоносов занялся «Древней Российской историей» // Центры и периферии европейского мироустройства / Отв. сост., отв. ред. серии А. В. Доронин. М.: РОССПЭН, 2014. 400 с. (Россия и Европа. Век за веком).
- Доронин 2015 — Доронин А. В. Падение Константинополя в 1453 году и турецкая угроза в ренессансной публицистике // Новая и новейшая история. 2015. № 3. С. 3–25.
- Доронин 2018 — Доронин А. В. Европа рубежа XV–XVI вв.: на пороге новой истории (взгляд с Запада) // Нарративы руси конца XV — середины XVIII в.: в поисках своей истории / Отв. сост., отв. ред. серии А. В. Доронин. М.: РОССПЭН, 2018. С. 16–58. (Post-Древняя Русь: у истоков наций Нового времени).

- Доронин 2019 — *Доронин А. В.* О Мосохе, «праотце российском» // «Места памяти» руси конца XV — середины XVIII в. / Отв. сост., отв. ред. серии А. В. Доронин. М.: РОССПЭН, 2019. С. 480–514. (Post-Древняя Русь: у истоков наций Нового времени).
- Доронин 2022a — *Доронин А. В.* Европа на пороге Нового времени и раннемодерный национализм // Когда зарождаются нации на востоке Европы? / Отв. сост., отв. ред. А. В. Доронин. Бонн; Вильнюс: Фонд Макса Вебера, 2022. С. 52–108.
- Доронин 2022b — *Доронин А. В.* «Сказание о Словене и Русе» — первый нарратив раннемодерной московской нации: Опыт нового прочтения // Словесность и история. 2022. № 2. С. 121–152.
- Доронин, Сиринов — *Доронин А. В., Сиринов А. В.* Серух // Когда зарождаются нации на востоке Европы? / Отв. сост., отв. ред. А. В. Доронин. Бонн; Вильнюс: Фонд Макса Вебера, 2022. С. 485–487.
- Древняя Русь — Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / Сост. М. В. Бибииков. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. Т. 2. 384 с.
- Замысловский — *Замысловский Е. Е.* Царствование Федора Алексеевича. СПб.: Тип. Замысловского и Бобылева, 1871. Ч. 1: Обзор источников. [6], 76, 216, LXV с.
- Когда зарождаются нации — Когда зарождаются нации на востоке Европы? / Отв. сост., отв. ред. А. В. Доронин. Бонн; Вильнюс: Фонд Макса Вебера, 2022. 640 с.
- Ломоносов — *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 6: Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии, 1747–1765. 689 с.
- Миллер — *Миллер Ф.* Избранные труды / Сост., ст., примеч. С. С. Илизарова. М.: Янус-К, Московские учебники, 2006. 816 с.
- Памятники литературной полемики — Архив Юго-Западной России, издаваемый Временной комиссией для разбора древних актов. Киев: Лито-тип. АО Н. Т. Корчак-Новицкого, 1914. Ч. 1, т. 8, вып. 1: Памятники литературной полемики православных южно-руссов с протестантами и латино-униатами в Юго-Западной России за XVI и XVII стол. 798 с.
- Пекарский — *Пекарский П. П.* Наука и литература при Петре Великом. СПб.: Изд. Т-ва «Общественная польза», 1862. Т. 1. 579 с.
- Путнынь — *Путнынь Э. К.* Истоки русской историографии античности. Саратов: Изд-во Саратовского гос. ун-та, 1968. 103 с.
- Родословные древа русских царей — Родословные древа русских царей XVII–XVIII веков / Сост. А. В. Сиринов. М.: Юбилейная книга, 2018. 168 с.
- Татищев 1769 — *Татищев В. Н.* История Российская с самых древнейших времен. М.: Напеч. при Имп. Московском ун-те, 1769. Кн. 1, ч. 2. [4], 225–600 с.
- Татищев 1962 — *Татищев В. Н.* История Российская. М.; Л.: Наука, 1962. Т. 1. 500 с.
- Фруменков — *Фруменков Г. Г.* Ломоносов — основоположник русской исторической науки. Архангельск: Арханг. кн. изд-во, 1960. 40 с.
- Doronin 2012 — *Doronin A.* Auf der Suche nach der eigenen Nation. Johannes Aventinus und Michail V. Lomonosov im Vergleich // Bayern und Rußland in vormoderner Zeit. Annäherungen bis in die Zeit Peters des Großen / Hrsg. von A. Schmid. München: Beck, 2012. S. 125–163.

- Doronin 2013 — *Doronin A.* Wie moderne Nationalmythologien die ersten Nationen Osteuropas formten // Weltweit vor Ort. Magazin Max Weber Stiftung. 2013. Nr. 1. S. 31–33.
- Doronin 2014 — *Doronin A.* «Russland hält dem Vergleich zu allen anderen europäischen Nationen stand»: Lomonossow als Historiker // Europa und die Moderne im langen 18. Jahrhundert (Europa und Moderne; Bd. 2) / Hrsg. von O. Asbach. Hannover: Wehrhahn Verlag, 2014. S. 219–244.
- Mühle — *Mühle E.* Die Slawen im Mittelalter zwischen Idee und Wirklichkeit. Wien; Köln; Weimar: Böhlau, 2020. 504 S.
- Oration «Constantinopolitana clades» — Oration «Constantinopolitana clades» of Enea Silvio Piccolomini (15. October 1454, Frankfurt) / Ed. and transl. by Michael von Cotta-Schönberg. 6th version. 2019. URL: <https://hal.science/hal-01097147>

References

- Bibikov, M. V., ed. (2010). *Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnykh istochnikov. Khrestomatiya*. Moscow: Russkii fond sodeistviya obrazovaniyu i nauke. Vol. 2, 384 p.
- Braudel, F. (1992). *Vremya mira. Materialnaya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII veka*. Moscow: Progress. Vol. 3, 680 p.
- Bulanin, D. (1992). 'Poslednee stoletie drevnerusskoi knizhnosti', in: Bulanin, D., ed. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin. Vol. 3, chast' 1, 3–13.
- Cotta-Schönberg, M. von, ed. and transl. (2019). *Oration «Constantinopolitana clades» of Enea Silvio Piccolomini (15 October 1454, Frankfurt)*. 6th version, <https://hal.science/hal-01097147>
- Doronin, A. V. (2003). 'Mif i natsional'noe istoriopisanie v kul'ture Vozrozhdeniya v Germanii', in: L. M. Bragina, ed. *Mif v kul'ture Vozrozhdeniya*. Moscow: Nauka, 198–209.
- Doronin, A. (2012). 'Auf der Suche nach der eigenen Nation. Johannes Aventinus und Michail V. Lomonosov im Vergleich', in: A. Schmid, hrsg. *Bayern und Rußland in vormoderner Zeit. Annäherungen bis in die Zeit Peters des Großen*. München: Beck, 125–163.
- Doronin, A. V. (2012). 'Post diluvium. K istorii odnoi (ne)udavsheysya fal'sifikatsii', in: L. M. Bragina, ed. *Istoricheskaya pamyat' v kul'ture Vozrozhdeniya*. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya, 128–140.
- Doronin, A. V. (2014). 'Rossiya i Novoe vremya, ili Pochemu Lomonosov zanyalsya «Drevnei Rossiiskoi istoriei»', in: A. V. Doronin, ed. *Tsentry i periferii evropeiskogo miroustroistva*. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya, 400 p.
- Doronin, A. V. (2014). '«Russland hält dem Vergleich zu allen anderen europäischen Nationen stand»: Lomonossow als Historiker', in: O. Asbach, hrsg. *Europa und die Moderne im langen 18. Jahrhundert* (Europa und Moderne.; Bd. 2). Hannover: Wehrhahn Verlag, 219–244.
- Doronin, A. V. (2015). 'Padenie Konstantinopolya v 1453 godu i turetskaya ugroza v renessansnoi publitsistike', *Novaya i noveishaya istoriya*, 3, 3–25.
- Doronin, A. V. (2018). 'Evropa rubezha 15–16 vekov: na poroge novoi istorii (vzglyad s Zapada)', in: *Narrativy rusi kontsa 15 — serediny 18 veka: v poiskakh svoei istorii*. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya, 16–58.

- Doronin, A. V. (2019). 'O Mosokhe, «praottse rossiiskom»', in: A. V. Doronin, ed. «*Mesta pamyati*» rusi kontsa 15 — serediny 18 veka. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya, 480–512.
- Doronin, A. V. (2022). 'Evropa na poroge Novogo vremeni i rannemodernyi natsiogenes', in: A. V. Doronin, ed. *Kogda zarozhdayutsya natsii na vostokey Evropy?* Bonn, Vilnius: Fond Maksa Webera, 52–108.
- Doronin, A. V. (2022). '«Skazanie o Slovene I Ruse» — pervyi narrativ rannemodernoi moskorusskoi natsii. Opyt novogo prochteniya', *Slovesnost' i istoriya*, 2, 121–152.
- Doronin, A. V., ed. (2022). *Kogda zarozhdayutsya natsii na vostokey Evropy?* Bonn, Vilnius: Fond Maksa Webera, 640 p.
- Doronin, A. V., Sirenov, A. V. (2022). 'Serukh', in: A. V. Doronin, ed. *Kogda zarozhdayutsya natsii na vostokey Evropy?* Bonn, Vilnius: Fond Maksa Webera, 485–487.
- Frumenkov, G. G. (1960). *Lomonosov — osnovopolozhnik russkoi istoricheskoi nauki*. Archangel'sk: Archangel'skoe knizhnoe izdatel'stvo, 40 p.
- 'Gustynskaya letopis'' (2003), in: *Polnoe sobranie russkikh letopisei*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin. Vol. 40, 202 p.
- Lomonosov, M. V. (1952). *Polnoe sobranie sochinenii*. Moscow, Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Vol 6: Trudy po russkoi istorii, obshchestvenno-ekonomicheskim voprosam i geografii, 1747–1765, 689 p.
- Miller, G. F. (2006). *Izbrannyye trudy*. Ed. S. S. Ilizarov. Moscow: «Janus-K», Moskovskie uchebniki, 816 p.
- Mühle, E. (2020). *Die Slawen im Mittelalter zwischen Idee und Wirklichkeit*. Wien, Köln, Weimar: Böhlau, 504 S.
- 'Pamyatniki literaturnoi polemiki pravoslavnykh yuzhno-rustsev s protestantami i latino-uniatami v Yugo-Zapadnoi Rossii za XVI i XVII stoletiya' (1914), in: *Arkhiv Yugo-Zapadnoi Rossii, izdavaemyi Komissiei dlya razbora drevnikh aktov*. Part 1, Vol. 8, Issue 1. Kiev: Lito-tipografiya AO N. T. Korchak-Novitskogo, 798 p.
- Pekarskii, P. P. (1862). *Nauka i literatura pri Petre Velikom*. Saint Petersburg. Vol. 1, 579 p.
- Putnyn', E. K. (1968). *Istoki russkoi istoriografii antichnosti*. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta, 103 p.
- Sirenov, A. V., ed. (2018). *Rodoslovnye dreva russkikh tsarei XVII–XVIII vekov*. Moscow: Yubileinaya kniga, 168 p.
- Tatishchev, V. N. (1769). *Istoriya Rossiiskaya s samykh drevneishikh vremen*. Moscow: Napechatano pri Imperatorskom Moskovskom universitete. Vol. 1, chast' 2, [4], 225–600 p.
- Tatishchev, V. N. (1962). *Istoriya Rossiiskaya*. Moscow, Leningrad: Nauka. Vol. 1, 500 p.
- Zamyslovskii, E. E. (1871). *Tsarstvovanie Fedora Alekseevicha*. Part 1: Obzor istochnikov. Saint Petersburg: Tipografiya Zamyslovskogo i Bobyleva, [6], 76, 216, LXV p.